

Пролог

Мое первое воспоминание ничем не отличается от всех остальных. Мне три года, и это мой первый день в садике. По какой-то причине моя мать проигнорировала тот факт, что я мальчик, и одела меня в ужасный комбинезон, рубашку с рюшами на манжетах и лакированные ботинки. Я планировал при первой же возможности испортить свой наряд.

Но не это я сильнее всего запомнил.

На тот момент видеть объективы камер, преследующие меня, было привычно, как видеть птицу в небе. Я должен был к ним привыкнуть, и думаю, что так и произошло. Но в тот день все шло по-другому.

Потому что там были сотни камер.

Они заполняли каждый дюйм тротуара и улиц, собирались у входа в мой детский сад, как одноглазые монстры, готовые напасть. Я помню голос своей матери, нежно успокаивающий, когда я вцепился в нее, но я не мог разобрать ее слова. Они были заглушены щелчками затворов и криками фотографов, зовущих меня по имени.

— Николас! Николас, сюда, улыбнись! Посмотри сюда, малыш! Николас, сюда!

Тогда я впервые заметил, что мы другие. Годы спустя я понял почему. Всемирно известные, узнаваемые, наша жизнь привлекала внимание газет.

Слава — странная, мощная вещь. Она похожа на приливы и отливы. Люди захлебываются в ней, она их захватывает, но со временем слава отступает, и бывший объект ее внимания становится никем.

Этого никогда не случится со мной. Я знал, что мое имя вошло в историю еще до моего рождения и останется в ней и после того, когда я превращусь в пыль. Дурная слава временна, популярность быстротечна, а король... король вечен.

1

Николас

Можно было подумать, что я уже привык и не замечаю, как за мной наблюдают, пока я сплю.

Но это не так.

Я открываю глаза, чтобы увидеть тощее и морщинистое лицо Фергуса, склонившегося в нескольких дюймах от моего лица.

— Черт возьми!

Не очень приятный вид.

Он посмотрел на меня неодобрительно, и затем его взгляд стал блуждать по комнате. Мы с братом всегда думали, что он имеет удивительную способность видеть все и сразу, в то время как его пристальный взгляд направлен в противоположную сторону комнаты.

В каждом стереотипе есть что-то от истины. Я всегда подозревал, что стереотип о снисходительном, но вздорном слуге начался с Фергуса.

Бог знает, морщинистый ублюдок довольно старый.

— Я прождал слишком долго, пока вы проснетесь. Думаете, у меня нет других дел? Я уже подумывал вас просто ударить. — Он выпрямляется у моей кровати, насколько его древний позвоночник позволяет ему.

Он преувеличивает. О наличии других дел, а не о том, чтобы ударить меня.

Я обожаю свою кровать. Это подарок на мое восемнадцатилетие от короля Женовии. Это блестящее произведение искусства с четырьмя стойками с ручной резьбой XVI века, выполненное из бразильского красного дерева. Матрас набит мягчайшим пухом венгерского гуся, а в египетских хлопковых простынях количество нитей настолько высоко, что это незаконно в некоторых частях света. Все, чего я хочу, это перевернуться и скрыться под ними, как ребенок, который не хочет идти в школу.

— Вы должны появиться в зеленой гостиной через двадцать пять минут, — скрипучее предупреждение Фергуса, как наждачной бумагой проходится по моим ушным перепонкам.

Нырнуть под одеяло уже не вариант. Это не спасет вас от вооруженного мачете психопата... или плотного графика.

* * *

Иногда мне кажется, что я шизофреник. Диссоциативный, возможно, с раздвоением личности. В этом не было бы ничего необычного. Всевозможные расстройства встречаются и в нашей родословной: гемофилия, бессонница, лунатизм... рыжие. Думаю, я должен чувствовать себя счастливым, что у меня ничего такого нет.

Моя проблема — голоса. Не тот вид голосов, которые звучат в моей голове, а ответы на вопросы, которые не соответствуют тому, что вылетает из моего рта.

Я почти никогда не говорю то, что действительно думаю. Иногда я так полон дерьма, что мои глаза становятся коричневыми. Возможно, это и к лучшему.

Я думаю, что большинство людей идиоты.

— И мы возвращаемся к разговору с его Королевским Высочеством Принцем Николасом!

Говоря об идиотах...

Светловолосый, худощавый мужчина, который сидит на-против меня и проводит это увлекательное интервью? Его зо-вут Тедди Литтллок¹. Нет, реально, это его фамилия и то, что я слышу, это не оксюморон. Можете ли вы представить, ка-ково ему было учиться в школе с такой фамилией? Этого поч-ти достаточно, чтобы я чувствовал себя плохо. Но не совсем.

Литтллок журналист, а у меня есть особый вид брезгливо-сти по отношению к ним. Миссия СМИ всегда заключалась в том, чтобы загнать могущественных людей в угол и засу-нуть их проступки в их аристократические задницы. Что в не-котором смысле хорошо, большинство аристократов перво-классные ублюдки. Все об этом знают. Меня волнует, когда это незаслуженно. Когда в опубликованном нет ничего прав-дивого. Когда поблизости нет грязного белья, СМИ протащат через дерьмо накрахмаленную рубашку и создадут свое. Вот вам оксюморон: журналисты чисты.

Тедди не просто журналист, он журналист, одобренный Дворцом. В отличие от его собратьев, которые используют подкуп, шантаж, ложь, он получает прямой доступ — как это интервью — в обмен на глупые вопросы. Это ошеломляет.

Выбирая между скукой и ложью, что бы предпочли вы: чтобы его застрелили или зарезали?

— Чем вы занимаетесь в свободное время? Какое у вас хобби? — спрашивает он.

Видите, о чем я говорил? Это как интервью модели Плей-бой: «Я люблю ванну с пеной, бои подушками и долгие про-гулки по пляжу обнаженной». Она этого не делает. Но суть во-проса не в том, чтобы информировать о своем досуге, а в том, чтобы укрепить фантазии парней, которые дрочат на нее.

¹ Дословно — маленький член. — *Здесь и далее примеч. ред.*

То же самое и для меня.

Я усмехаюсь, показывая намек на ямочки — женщины падки на них.

— Ну, большинство ночей я люблю читать.

Ложь.

На самом деле я люблю трахаться.

Это, вероятнее всего, предпочли бы услышать большинство моих фанатов. Но скажи я так, во Дворце все сошли бы с ума.

Тем не менее, на чем я остановился? Правильно — на сексе. Мне нравится трахаться долго, жестко и часто. Положив ладони на упругую, круглую попку, прижимать к себе девушку, слышать ее сладкие стоны, отскакивающие от стен, когда она сжимается вокруг моего члена. У этих вековых комнат фантастическая акустика.

Хотя некоторые мужчины выбирают женщин за их талант держать ноги широко разведенными, я предпочитаю тех, кто хорошо держит язык за зубами. Уверенность и нерушимость соглашения о неразглашении позволяют сохранить большинство грязных историй подальше от газет.

— Мне нравится верховая езда, поло, а во второй половине дня — стрелять по глиняным тарелкам с королевой.

Снова не то. Я люблю скалолазание, быструю езду, полеты, хороший виски, фильмы категории В, пассивно-агрессивный словесный обмен с королевой.

Именно последнее держит королеву на ногах. Мое остроумие — это для нее источник молодости. К тому же это хорошая практика для нас обоих. В Весско конституционная монархия, поэтому в отличие от наших церемониальных соседей королева имеет те же права, что и парламент. Это делает из королевской семьи политиков. Вершина пищевой цепи, без сомнения, но все равно политики. А политика — это быстрый,

грязный, скандальный бизнес. Каждый скандалист знает: если ты хочешь принести на кулачный бой нож, то нож должен быть хорошо заточен.

Я скрещиваю руки на груди, демонстрируя загар на своих предплечьях. С закатанными рукавами бледно-голубой рубашки-оксфорд он особенно хорош. Мне сказали, что у некоторых частей моего тела есть бешеные подписчики в Твиттере. Затем я рассказываю историю моей первой охоты. Фанаты обожают ее. Я могу рассказывать ее во сне. Тедди хихикает на том месте, когда мой засранец младший брат загрузил в пусковую установку навоз вместо голубя.

Он успокаивается, поправляет свои очки, показывая этим, что сейчас начнется грустная часть программы.

— В этом мае будет уже тринадцать лет с момента трагической авиакатастрофы, унесшей жизни принца и принцессы Пембрук, — он действительно это произнес.

Я молча киваю в ответ.

— Вы часто думаете о них?

Резной тиковый браслет давит на руку.

— У меня много счастливых воспоминаний о родителях. Но самое главное для меня, что продолжают существовать их дела, которые они защищали, благотворительные организации, которые они поддерживали, пожертвования, которые названы в их честь. Это их наследие. Помогая фондам, которые они поддерживали, я гарантирую, что их будут помнить всегда.

Слова, слова, слова, разговоры, разговоры, разговоры. Я хорош в этом. Много говорю, но на самом деле не отвечаю на вопросы.

Я думаю о них каждый день.

Быть чересчур эмоциональным — это не наш путь. Держаться молодцом, вперед и только вперед. Король умер, да

здравствует король. И пусть для мира они были парой королевских особ, но для меня и Генри они были просто нашими мамой и папой. Они были хорошими, веселыми и настоящими. Они часто нас обнимали и наказывали, когда мы этого заслуживали, а случалось это частенько. Они были мудрыми и добрыми и очень сильно любили нас, что достаточно редко встречается в наших кругах.

Интересно, что они бы сказали обо всем, и как бы протекала наша жизнь, будь они живы.

Тедди снова начинает говорить. Я не слушаю, но мне и не надо. Последние пару слов — это все что мне нужно услышать.

— ...леди Эсмеральда в прошлые выходные?

Я знаю Иззи с наших школьных дней в «Бриар-Хауз». Она умница, но хулиганка.

— Мы с леди Эсмеральдой старые друзья.

— Просто друзья?

Также она лесбиянка. Факт, который ее семья хочет скрыть от прессы. Я ее любимое прикрытие. Наши взаимовыгодные свидания организуются через секретаря Дворца.

— Я следую правилу не разбалтывать подробности своей личной жизни, — я очаровательно улыбаюсь.

Тедди наклоняется, улавливая намек на историю. История.

— Итак, можно ли ожидать, что между вами будет что-то большее? Страна была рада наблюдать за развитием отношений ваших родителей. Люди ждут от вас, «Его Королевская Сексуальность», как они вас называют, что вы найдете свою леди и остепенитесь.

— Все возможно, — я пожимаю плечами.

Но в ближайшее время я не собираюсь жениться. И он может поспорить на свой маленький член.

* * *

Как только жаркий луч света гаснет и красный огонек камеры перестает мигать, я встаю со своего стула, снимая микрофон, прикрепленный к моему воротнику.

— Спасибо за ваше время, Ваша Светлость. — Тедди слегка склоняет голову согласно протоколу.

— Мне это всегда в радость, Литтлкок, — киваю я в ответ. Вряд ли кто-то так ему говорит.

Бриджет, мой персональный секретарь, дородная, средних лет, хорошо обученная женщина, появляется рядом с бутылкой воды.

— Спасибо, — я отвинчиваю крышку. — Кто следующий?

«Дарк Сьютс» решили, что сейчас самое подходящее время для пиара, что подразумевает под собой дни интервью, туров и фотосессий. Для меня же это персональный четвертый, пятый и шестой круги ада.

— На сегодня он последний.

— Аллилуйя!

Она идет рядом со мной, пока я шагаю по длинному ковру, который в итоге приведет меня в «Гатри-Хаус» — мои личные апартаменты во Дворце Весско.

— Скоро прибудет лорд Эллингтон. Договоренность насчет ужина в *Von Repas* подтверждена, — говорит Бриджет.

Дружить со мной гораздо сложнее, чем вы думаете. В смысле, я хороший друг, но с другой стороны, моя жизнь — это гемморой. Я не могу просто внезапно пойти в паб или повеселиться в новом клубе в пятничную ночь. Все это должно быть распланировано и организовано. Спонтанность — это единственное, что я не могу получить в своей жизни.

— Хорошо.

Бриджет направляется в офис во дворце, а я захожу в свои личные покои.

Три этажа, полностью модернизированная кухня, кабинет, библиотека, две комнаты для гостей, комнаты для прислуги, две огромные комнаты с балконами, с которых открываются самые захватывающие виды на планете. Все полностью восстановлено и обновлено: цветы, гобелены, каменная кладка, лепнина. И сохранены их исторические ценности. «Гатри-Хаус» — это официальная резиденция принцев и принцесс Пембрук — наследника, кто бы им ни был. До меня это был мой отец и моя бабушка до ее коронации.

Королевская власть — это огромные подержанные вещи.

Я направляюсь в спальню, расстегивая рубашку и с нетерпением желая оказаться в душе, включив его на полную мощность. Мой душ чертовски фантастический.

Но я не дохожу до него.

На лестнице я встречаю Фергуса.

— Она хочет видеть вас, — хрипит он.

И она не нуждается в дополнительном представлении.

— Когда? — отвечаю я, провожу рукой по лицу и царапаюсь о щетину.

— А когда вы думаете? — насмехается Фергус. — Еще вчера, конечно.

Конечно.

* * *

В былые времена трон был символом власти монарха. На рисунках его изображали с восходящим солнцем над ним, облаками и звездами, под ним же место для потомка самого Бога. Если трон был символом власти, то тронный зал был местом, где властвовал порядок. Где были выпущены указы,

зачитаны наказания, и фраза «принесите мне его голову» отражалась от холодных каменных стен.

Это было тогда.

Сейчас королевский офис — это то место, где делают это все, а тронный зал используют для экскурсий. И вчерашний трон — это сегодняшний рабочий стол. И сейчас я сижу напротив него. Он блестящий, из прочного красного дерева и невероятно большой.

Если бы моя бабушка была мужчиной, я бы предположил, что она кое-что компенсирует им.

Кристофер, личный секретарь королевы, предлагает мне чай, но я отказываюсь, махнув рукой. Он молод, около двадцати трех лет. Такой же высокий, как я, и привлекательный в стиле актеров боевиков. Он не страшный секретарь, но и не самый острый гвоздь в коробке. Я думаю, Королева держит его на побегушках, потому что ей нравится на него смотреть. Старая развратница. В своей голове я зову его Игорь, потому что если бы моя бабушка сказала ему ничего не есть, кроме мух до конца жизни, он бы просто спросил: «С крыльями или без?»

Наконец примыкающая к голубой гостиной дверь открывается, и Ее Величество королева Ленора стоит в дверном проеме.

Есть обезьяны в колумбийских тропических лесах, которые являются самыми восхитительными животными на свете. Их привлекательность заставляет сгореть от стыда пушистых хомячков и маленьких собачек на *Pinterest*. За исключением скрытых острых зубов и аппетита к человеческим глазным яблокам. Те, кто покупается на яркий внешний вид, обречены потерять их.

Моя бабушка во многом похожа на этих злобных маленьких обезьян.